

ТРАГЕДИЯ, которую несет шекспировский «Король Лир», — это не только трагедия старого отца, чье доверие обмануто черствыми, неблагодарными и неблагородными дочерьми. Это прежде всего трагедия общества, социальная несправедливость которого порождает лицемерие и предательство, ложь и подлость. Раскрытие именно этой стороны пьесы и составляет наиболее сильную, наиболее привлекательную сторону спектакля Украинского драматического театра имени Ивана Франко (режиссер В. Оглоблин). Мож-

но спорить по поводу того, насколько правомерно решение заглавного образа трагедии, предложенное М. Крушельницким. Но стремление постановщика и театра сосредоточить внимание на социальном этическом смысле знаменитой пьесы, стремление к наиболее глубокому и художественно впечатляющему выявлению этого смысла мне лично представляется бесспорным и заслуживающим всяческой поддержки.

Король, шут и другие... Хочется начать разговор именно с других. И, пожалуй, прежде всего с художника спектакля В. Меллера, художника по оформлению В. Дехтяренко, композитора Г. Майбороды, автора шумов О. Лисицы, хормейстера П. Ганоцкого. Это они совместно с режиссером поставили, создали столь сильную, полную высокого эмоционального напряжения и накала сцену в степи. Слышите, как сквозь рев бури звучат здесь далекие голоса, преследующие старого короля и его товарищей по несчастью? Кажется, что действительно природа, потрясенная и возмущенная низостью Реганы и Гонерильи, Эдмунда и герцога Корнуоля, обрушила на

грешную землю громы и молнии, что разверзлись хляби небесные. И так резко контрастирует эта бурная, бесприютная картина со сценами в замках, с их надежными, каменными стенами, откидными мостами, добротной дворцовой роскошью.

Да, страшно общество, в котором порок скрывается за этими стенами, в темных, тайных

подземельях творит свои черные дела, а справедливость, добро обречены на скитания.

Но с каменной надежностью замков контрастирует не только бесприютность степи. С ней контрастирует и человек — защитный и упорный, мечущийся в слепом отчаянии и обретающий в схватке с природой ясную и мужественную стойкость души. Вот он, Лир — Крушельницкий, возвращается из степи к замку Реганы, и как раз в эту минуту страж поднимает мост. Перед стариком наглухо закрываются ворота замка.

Рядом с Лиром и шутom — другие герои спектакля: либо противоборствующие Лиру, либо, наоборот, поддерживающие его в трудные часы испытаний.

В спектакле много интересных актерских работ: Регана — О. Кусенко, Корделия — А. Роллик, Глостер — А. Гашинский... Но прежде всего хочется назвать Гонерилью — К. Литвиненко и Кента — О. Давиденко.

Гонерилья в изображении Литвиненко — это само олицетворение плотоядности и бессердечия, ненасытной жадности к жизненным благам и равнодушия, полнейшего равноду-

шия к людям даже близким, к их страданиям и их судьбам. Есть в этой женщине обаяние большой человеческой силы, упорства и воли, и тем женщина эта опаснее, как всякое зло, спрятавшееся под красивой, привлекательной оболочкой.

Но если Гонерилья — Литвиненко — живое олицетворение зла, то Кент — О. Давиденко — само олицетворение добра и

справедливости. Крупный, крупный человечески, тоже очень земной, знающий радость не только боя, но и крепкого, меткого слова, хитроумной выдумки, он как бы сосредоточивает в себе мажорное начало спектакля. Вспомните сцены, где он, неузнанный Лиром, выступает защитником его чести, его старости и, главное, его человеческого достоинства. Как весело, с какой цепкой хваткой, с какой неподдельной широтой недюжинной натуры делает это Давиденко! Да, перед нами незаурядный человек, перед нами — поборник справедливости, разума и добра. Поборник сознательный, принципиальный, целеустремленный.

И как же смешон, жалок, нелеп рядом с великолепной фигурой Кента — Давиденко дворецкий Гонерильи Освальд, роль которого ярко сыграл И. Маркевичем. Там — человек, здесь — слуга. Толстый, нахальный, бахвалистый, Освальд — Маркевич отлично по контрасту подчеркивает душевное величие и истинное благородство, подлинно высокую человечность Кента. Словесные, да и не только словесные турниры, происходящие между этими двумя героями, относят-

ся к лучшим сценам спектакля.

Роль шута играет Д. Милотенко. Играет не только мастерски, но и умно, талантливо, по-настоящему вдохновенно. О, это человек! Большое и благородное сердце, ясный и зоркий ум! Нет, шут — Милотенко не хочет, да и не может мириться с несправедливостью, даже если она исходит от Лиры. Он протестует, пусть не поступками,

не словами. Интонациями, взглядами, но протестует! Чем больше несчастий обрушивается на голову Лиры, чем больше становится он Человеком, тем теплее, проникновеннее отношение к нему шута — Милотенко.

Думаю, что и для постановщика спектакля В. Оглоблина, и для исполнителя роли М. Крушельницкого ключом к трактовке образа была мысль Добролюбова, указывавшего, что Лир отказывается от власти не в силу своего доверия дочерям и не из-за самодурства. Он гордо считает, что «он сам, сам по себе велик, а не по власти, которую держит в своих руках...».

Да, это величие короля, возмнившего, что он обладает и величием человека, отлично передается всем — и осанкой, и гордо поднятой головой, и манерой речи, и нетерпимостью к возражениям. Словом, всем. И заблуждение это выглядит одновременно и трагичным, и смешным в сценах, происходящих в замке у Гонерильи. Обыкновенный человек, уже лишенный королевских привилегий, Лир — Крушельницкий продолжает вести себя как че-

ловек необыкновенный, начисто забывая о том, что эту необыкновенность придавала ему лишь безграничная королевская власть.

В сценах в степи, испытывая полной мерой «все горести, соединенные с человеческою жизнью», Лир — Крушельницкий более всего жалок. Да, на непрочные старческие плечи легли едва ли не сверхчеловеческие испытания. И хотя Лир не сгибается под их тяжестью — так уж написал Шекспир! — мы видим, как трудно, как тяжело Лиру — Крушельницкому. Здесь актер с особой силой подчеркивает обыкновенность Лиры. В этом нельзя не согласиться с театром. Но что вызывает, должен вызывать он у нас — жалость к незадачливой старости, сострадание к несчастным или прежде всего и главным образом преклонение перед человеческой мощью и силой. Обыкновенный — отнюдь не значит средний. И не о среднем человеке писал свою трагедию великий драматург, а о человеке огромного душевного величия, стойкости духа, глубины чувств и мысли.

Выдающийся советский актер Крушельницкий играет роль Лиры, как и любую роль, которую бы он ни играл, талантливо. Но, подчеркивая, выдвигая на первый план одни стороны образа, Крушельницкий несколько затухивает другие, не менее, однако, важные.

Но это, так сказать, в порядке раздумий и обсуждения. В целом же нельзя не отдать дань уважения нашему украинскому гостям, проделавшим большую, серьезную, кропотливую работу по сценическому воссозданию одной из гениальнейших шекспировских трагедий.

Юр. ЗУБКОВ.

КОРОЛЬ, ШУТ И ДРУГИЕ

Советская Кувитур

19. XI. 60.